PG 3360
.R45S5
1831

U S GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class PGR 2138

Book .R6

S

YUDIN COLLECTION

10083
48
1.50

C4R.

СѢВЕРНЫЯ
СѢМЕНА
НА 1831 ГОДЪ.

СОБРАНІЕ ПРОЗЫ И СТИХОТВОРЕНІЙ

Петра П. Рябинина и Дмитрія Д. Комисарова.

МОСКВА.
Въ Типографіи Лазаревыхъ
Института Восточныхъ Языковъ.
ммм
1831.

PG3360
.R45 S5
1831

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, 27 Апрѣля 1831 года.

Цензоръ Сергѣй Аксаковъ.

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ

Московскому первой гильдіи купцу

ТИТУ САВИЧУ

ПИРОГОВУ

усерднѣйшее приношеніе

отъ Сочинителей.

Милостивый Государь

ТИТЪ САВИЧЬ!

Къ большему удовольствію, мы имѣли счастіе слышать и видѣть вашу любовь къ Русской Литтературѣ, и потому первымъ долгомъ поставили наши Сѣмена посѣять по любезной нашей отчизнѣ, и надѣемся, что вы не отвергнете поглядѣть за ними, дабы со временемъ видѣть отъ нихъ какой нибудь плодъ. И такъ примите наши

труды— Собраніе Стихотворенія и частію первой опытъ Прозаическаго творенія.

Мы надѣемся, что вы подарите насъ улыбкою, прочтя въ свободный часъ какую нибудь изъ нашихъ Эпиграммъ, или какой нибудь Сатирической отрывокъ. А можетъ вылетитъ вздохъ при взглядѣ

на наши Элегіи. И такъ, достойный Благодѣтель, остаемся съ преданною душою и съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ, покорные къ услугамъ вашимъ

Петръ П. Рябининъ,

Дмитрій Д. Комисаровъ.

СѢВЕРНЫЯ СѢМЕНА.

Къ сѣменамъ.

Я сѣмена садить стараюсь,
Изъ нихъ чтобъ вышелъ плодъ какой;
И впредь хоть слабой обѣщаюсь
Журналъ украсить сей строкой, —
Строкой, гдѣ чувства изліянны
Не быстрой—тихою спруей;
Но всѣ намѣренья желанны
За доской умолкнутъ гробовой;
Строка лить можетъ слѣдъ оставить
Перомъ, чинснымъ отъ души; —
Но можно ль, ахъ! того заставить
Читать строки: кто жилъ въ глуши

. . . . .

Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья—
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувства воздаянья.

А. С. Пушкинъ.

И я скажу: блаженъ стократно,
Таилъ таланть кто отъ людей;
Глупцамъ, невѣждамъ то не внятно:
Такъ чтожъ отъ нихъ ждать въ жизни сей.

Д. Колисаровъ.

Блаженъ, кто чувства пріобрѣлъ,
Хотя и въ бѣдномъ состояньи;
Дорогу къ доброму нашелъ
Въ своемъ ничтожномъ воспитаньи.
Друзья, блаженъ, кто въ жизни сей
Обрѣсть хорошаго попщился,
Безъ важныхъ помощи людей
Онъ самъ хоть мало научился.

П. Рябининъ.

Къ Москвѣ.

На Сѣверъ взоры простираю,
Кремлевски стѣны предо мной,
И такъ, я слабо пѣть дерзаю,
О милый Русскій край родной!
Въ тебѣ я жилъ, въ тебѣ родился,
Въ тебѣ и счастіе узналъ;
Въ тебѣ съ забавами простился,
Въ тебѣ и горе испыталъ.
Москва! . . столица, возглашаю
О, слава Россовъ, ты страна!
И мнѣ, вторично восклицаю,
Здѣсь колыбель была дана.

Д. Комисаровъ.

Москва.

Москва, о родина любима !
Тебя Эдемомъ я воспѣлъ;
Европой цѣлою ты чтима,
Въ тебѣ всѣхъ радостей предѣлъ.
Въ тебѣ народы пребываютъ
Со всей Европы чуждыхъ странъ,
И Азіатцы посѣщаютъ,
Ты мать и бывшимъ намъ врагамъ.
Тебѣ Татары, бывъ гоненьемъ,
Сарматы злобою дыша,
Но нынѣ ты имъ защищеньемъ,
Къ тебѣ паритъ отъ всѣхъ душа;
Но Россы болѣе съ стремленьемъ
Спремглавъ летятъ подъ твой покровъ.
Кто не обязанъ просвѣщеньемъ
И кто не чтитъ тебя готовъ!
И такъ, о родина священна !
Вмѣщаешь ты въ себѣ покой,
Въ тебѣ наука драгоцѣнна
Повсюду катится волной.

Въ тебѣ источникъ тонкимъ чувствамъ,
Вмѣщаешь ты Минервы тронъ;
Въ тебѣ все мило, все съ искусствомъ,
Въ тебѣ и Правда и Законъ.
Ты всѣмъ какъ солнца лучь свѣтлѣешь;
Въ стѣнахъ Кремля, и всей Москвой,
Какъ роза ала ты такъ рдѣешь,
Съ своей великой красотой,
Но видимъ, болѣ разцвѣтая,
Ты хочешь быть въ родномъ вѣнкѣ,
И при Монархѣ НИКОЛАѢ
Готовятъ мостъ ужь на рѣкѣ,
Гдѣ прежде мостъ былъ изъ дубровы,
Возросши близко подъ тобой
Теперь заложенъ тутъ для славы
Изъ камня твердо вѣковой.
Стеклися всѣ тутъ Россы тверды
Къ рѣкѣ обѣимъ сторонамъ;
Молили всѣ, о милосердый!
Спаси Царя, дай милость намъ.
Спаси Царя и Дворъ Монаршій,
И Имъ любимыхъ Россіянъ;
Услышь, Творецъ, молитвы наши

Повергни все къ Его стопамъ!
Опять, Создатель, умоляемъ:
Спаси Россію до конца.
Дай быть любимымъ НИКОЛАЕМЪ
И видѣть вѣкъ намъ въ Немъ отца.

П. Рябининъ.

Неудача.

Неводъ въ бурю рыболовы,
Изъ пруда на брегъ тащатъ;
Руки ихъ давно готовы
Рѣзву рыбу класть въ ушатъ.
Но, о ужасъ!... вдругъ прорвалась
Сѣть у невода въ водѣ,
И ихъ радость миновалась.
Ахъ! надежда;—а ты гдѣ?—
Счастье въ мракѣ ихъ уснуло,
Въ удѣлъ горе суждено; —
А надежда ускользнула
Вмѣстѣ съ рыбою на дно.

Д. Комиссаровъ.

Вѣтеръ.

Свирѣпый вѣтеръ завывая,
Съ собой уноситъ пыль и прахъ;
Природу ревомъ устрашая,
Онъ гонитъ волны на моряхъ.

Реветъ,—и дубы запрещали,
Восколебались—и лежатъ,
Въ рѣкахъ валы загрохотали
И сыплется изъ тучи градъ.

Реветъ,—и зданья сокрушились,
Умолкли пѣсни пастуховъ:
Они съ стадами удалились
Подъ вѣрный, безопасный кровъ.

Скала кремнистая прясется
Отъ бурной ярости вѣтровъ;
Пылаетъ молнія и вьется
Изъ мрачныхъ сѣрныхъ облаковъ.

Такъ страсти все пренебрегая,
Законы, святость, строгость, власть,
Благопристойность нарушая,
Готовятъ людямъ зло, напасть.

П. Рябининъ.

Скучно жить безъ денегъ.

Посмотрите какъ увяли
Розы на моихъ щекахъ,
Не отъ счастья—отъ печали
Сохну я въ младыхъ лѣтахъ.

Нынче ахъ! какое время,
Деньги чтутъ за божество ;
А безъ денегъ тяжко бремя,
Ни во что чтутъ и родство.

Я хоть съ деньгами вобѣшуся ,
Буду съ ними хоть осломъ ,
Но съ мошною же кажуся
Передъ свѣтомъ степнякомъ.

Деньги все превозмогаютъ:
Такъ сказалъ одинъ поэтъ,
Съ машной въ гости принимаютъ;
А карманъ пустъ — дома нѣтъ.

Такъ пословица ведется
На Руси у насъ теперь:
Бѣднякъ глупымъ остается —
Хоть уменъ:—кричатъ невѣрь.

Д. Комиссаровъ.

БАСНЯ.

ЗАТѢЙЛИВЫЙ КОТЪ И ЯСТРЕБЪ.

Поймалъ мышенка котъ въ подвалѣ;
Не зналъ куда онъ съ нимъ бѣжать;
Сперва съ восторгу спалъ играть
Своихъ господъ въ обширномъ залѣ.
И сколько онъ не веселился —
Никто побѣды не видалъ.
Нашъ Васька этимъ огорчился,
И тихо самъ себѣ сказалъ:
Вѣдь я богатъ теперь добычей,
А у сосѣдей слуху нѣтъ;
Такъ надо сдѣлать, чтобъ зналъ свѣтъ
А тихо жить вѣдь нравъ мужичій
Полезъ затѣйникъ нашъ на крышку
Сзывать и кошекъ и котовъ.
И вотъ идутъ всѣ кушать мышку
Кричатъ: вотъ Вася нашъ каковъ!
Прошу покорно, восклицаетъ,
Прошу садиться отдыхать,
И мышку щепкой покрываетъ,
Чтобъ прежде имъ бы поиграть.

И вотъ попарно всѣ берутся,
И Васька первый открылъ балъ,
Сперва кадриль, а тамъ мазурку тан-
цовалъ.
Но вдругъ успѣлъ онъ поскользнуться,
Съ хоромъ огромныхъ внизъ упалъ,
И тутъ же померъ нашъ бохвалъ.
Тутъ гости дружно удивлялись
Кончинѣ скорой и смѣшной;
Вѣдь Вася мертвый! Такъ домой
Всѣ наши гости разбѣжались.
Откуда ястребъ ни взялся:
Хотѣлъ схватить къ себѣ мышенка,
Ему родней онъ назвался.
У Васи жь два родныхъ котенка,
И вдругъ къ наслѣдству тѣ явились,
Хотятъ мышенка убирать;
Но ястребъ началъ такъ клевать,
Что и они чуть не свалились.
Куда мерзавцы вы берете,
Схватилъ мышенка—и взлеталъ.
Такъ на лету онъ имъ сказалъ:
Вы сами послѣ наживете.
Такихъ примѣровъ не одинъ

Мы видимъ въ свѣтѣ между нѣми,
Простой когда, какъ господинъ,
Захочетъ знатнымъ быть межъ всѣми
И словомъ, каждый тотъ отецъ
Не осторожно поступаетъ;
Хотя будь баринъ, хоть купецъ,
На верьхъ который залѣзаетъ;
Хоть заживо дѣтей любя,
Оставить много имъ желаетъ,
Но померъ безъ толку.
И ястребъ прилетаетъ.
И все беретъ лишь за себя;
И все съ копами поглатаетъ.

П. Рябининъ.

Къ красавицамъ.

Ахъ! красавицы младыя,
Вы плѣняете собой,
Ваши локоны витыя
Не разлучны съ красотой.
Въ вашихъ прелестяхъ всякъ смертный
Побожиться въ томъ готовъ,
Не земной скрытъ, а небесный
Даръ великіихъ боговъ.
Бѣлѣй снѣгу, алѣй розы
Ваше личико всегда;
Но боюсь только морозы
Не попортили бъ когда.

Д. Колисаровъ.

Къ Лизетѣ.

Я люблю тебя, Лизета,
Когда ранней порой,
Въ бѣломъ платьицѣ одѣта,
Ты бесѣдуешь со мной.

Я люблю тебя, Лизета,
Когда съ краскою живой—
Лиза, пламенемъ согрѣта,
Руку жмешь мнѣ, ангелъ мой.

Я люблю тебя, Лизета,
Въ полуночной когда тьмѣ,
Жмешься ты, полу-раздѣта,
Грудью бѣлою ко мнѣ.

П. Рябинин.

Несчастливецъ.

Ахъ! рано запмилося,
Вдругъ страшными тучами,
Едва, едва вышедши
Въ день весенній, солнушко:
Ахъ! рано, друзья мои,
Позналь я несчастіе,
Едва, едва вышедши
Изъ пеленъ ребячества.
Въ осьми-лѣтнемъ возрастѣ
Одинокъ остался я,
По Русской пословицѣ:
Сиротою круглою.
И къ тому жь настальъ топъ часъ,
Въ пылкихъ лѣтахъ юности,
Узнать зло слѣпой любви
И измѣну гнусную.
Лѣта, лѣта юности
Возникши въ несчастій,
Безъ друзей, безъ помощи—
Тѣ[illegible] !

Найдешь въ дни ненасныя;
Друзья лишь при солнушкѣ
Завутъ тебя другомъ всѣ—
А послѣ имъ кажешься
Несчастья игрушкою,
Не увидятъ слезный токъ,
Не услышутъ жалобы.—
Обращаюсь къ вамъ теперь,
Въ комъ есть чувство жалости;
Не прошу о помощи,
Пока длится жизнь моя;
Но когда пробьетъ тотъ часъ,
Часъ послѣдній горестямъ,
И въ хладной утробѣ я
Земли истлѣвать буду;
Тогда молю, вспомните
На могилѣ мшистой, вы
Поставить крестъ съ надписью,
Мавзолей страдальческій.
Надпись на крестѣ прошу
Выставить несчастному,
Только въ четырехъ строкахъ,
Пусть изоб

»Разцвѣталъ безъ солнушка,
»Увялъ съ тучей бурею;
»Въ свѣтъ возникъ безъ радости,
»Жилъ и умеръ съ грустію.«
Человѣкъ чувствительный
Близъ меня пройдетъ можетъ,
Прочтя на крестѣ надпись,
Вспомнитъ о мнѣ вздохомъ хоть.
А можетъ убѣжище
Найдетъ нѣжна пѣночка
Надъ моей могилою,
На березѣ лиственной.
Одна можетъ пѣночка,
Порою вечернею,
Пропоетъ пѣснь грустную
Надъ прахомъ несчастнаго.

Д. Ком.

Элегія.

Туча мрачная не идетъ,
Лѣтній дождичекъ не льетъ,
Солнце отдыхаетъ;
Нѣжна пѣночка молчитъ,
Соловей ужъ не кричитъ,
Рѣчка замерзаетъ.
Не видать ужъ рыбака,
И въ свирѣль изъ далека
Постухъ не играетъ;
Листъ съ деревьевъ лишь летитъ,
Снѣгъ клоками ужъ валитъ,
Поля устилаетъ.
А овецъ, птичекъ, гдѣ гуляль,
Гдѣ я съ милой пробѣгалъ,
Тутъ ужъ слѣдъ звѣриной;
И замерзъ ужъ тотъ прудокъ,
Гдѣ смотрѣлся въ водной токъ
Съ милою Надиной;
Подъ кусточкомъ, гдѣ сидѣлъ,
Гдѣ съ Надиною я тлѣлъ,
Нѣжно цѣловался,

Снѣгомъ кустъ ужь тотъ покрытъ;
И дороги мраченъ видъ,
Гдѣ съ милой разстался.
Вся природа холодна,
Холодна и не одна,
Есть и холоднѣе;
Въ той завяла ужь любовь,
Волновалъ кто сильно кровь,
Кто всѣхъ мнѣ милѣе.
Время ссушитъ какъ цвѣтокъ,
Не подрѣжутъ стебелекъ,
Такъ роза свалится.
Съ ней, который ландышъ цвѣлъ,
Дни на грядки съ ней провелъ,
Хоть съ нею простится.
Но садовникъ коль какой
Перенесть захочетъ въ свой
Розочку въ садочикъ;
То безъ время ландышъ тотъ
Въ бороздинку упадетъ,
Розочкинъ дружочикъ.
Такъ-то, молодцу, мнѣ здѣсь
Грустно жизнь свою провесть
Безъ Надины милой.

Обольстилъ ее злодѣй,
Лишилъ счастливыхъ насъ дней,
Свѣтъ мнѣ сталъ постылой.
Онъ въ страну свою увезъ,
Мнѣ оставилъ токи слезъ,
И она страдаетъ.
Ей не милъ гордой тюльпанъ,
Ей противенъ мой тиранъ,
Ландышъ вспоминаетъ.

Перерви же парка нитъ,
Не хочу на свѣтѣ жить.
Счастье все въ Надинѣ!
Дай могилу для меня,
Я умру, жизнь проклиня,
Въ горестной судьбинѣ!

П. Р.

Твердость.

Ярися злоба надъ мною,
Рази невинную ты грудь,
И алчною своей рукою
Направь меня на смертный путь!
Иль злѣйшіе устрой мнѣ ковы,
Люттѣйши козни низпошли;
Низвергнь въ тягчайшіе оковы,
Чпо мохомъ, ржавью поросли!
Иль въ вѣкъ въ степяхъ, въ пескахъ
сыпучихъ,
Средь дебрей и лѣсовъ дремучихъ,
Скитаться съ грустью повели,
И ядомъ сердце отравляя,
Моимъ стенаньямъ ни внемли!
И въ жилы нову желчь вливая,
Томи всечасно грудь мою
Палящей жаждой и тоскою—
Я и тогда своей главою
Не преклонюсь подъ власть твою!
Хотя не долга въ здѣшнемъ мірѣ
Я жилъ, но знаю очень вѣрно,

Что въ ветхомъ рубищѣ ль въ порфирѣ
Всѣ хвалятъ счастье лицемѣрно.
И кто же на землѣ видалъ
Сей шаръ въ лучахъ огнегорящій,
Въ эфирѣ за всегда парящій,
И кто въ рукахъ его держалъ?
По что же льстишься суетою,
Коль правды на волосъ въ ней нѣтъ,
Коль сильною судьбы рукою
Колеблется и цѣлый свѣтъ?
Коль съ своенравіемъ вращаетъ,
Съ высотъ великаго свергаетъ—
И хищною своей рукою
Съ главы героя лавры рветъ,
И дерзкой, растоптавъ ногою,
Свое могущество поетъ?
Я въ сердцѣ хладенъ и безстрашенъ
Противу всѣхъ ея оковъ;
Мнѣ больше уже не опасенъ
Ея глубокій скучный ровъ.
Смотрю на все я равнодушно,
Ни что не трогаетъ меня,

И рокъ свой переношу послушно
Все тверже день я отодня.

Д. К.

Экспромтъ.

Прощай Симбирскъ, ты городъ милый!
Прощайте всѣ, кого люблю!
Сажуся въ брычку я унылый;
Объ васъ теперь и слезы лью.

Но билъ ужь часъ—растаться надо
И ѣхать къ родинѣ моей;
Прощай, о другъ Олимпіяда!
Прощай, моихъ царица дней!

Прощай, ты улица Московска,
Прощай, ты также и Вѣнецъ,
Прощай, Кирпичная, Покровска,
Прощайте всѣ! насталъ конецъ!...

П. Р.

Ненарушимая клятва.

Въ тѣнистой рощѣ надъ рѣкою
Съ свирѣлью юноша бродилъ,
Окрестность, утренней порою,
Веселой пѣснью огласилъ.
И видитъ: красная дѣвица
Съ улыбкой милою идетъ,
Въ луга гдѣ разцвѣла душица,
И нѣжнымъ голосломъ поетъ:
Шестнадцата вѣсна ужъ бьетъ!...
Ахъ! скучно сердцу одиноку,
Приди, о юноша!—поетъ,
Утѣшь шы грусть мою жестоку!
И въ мигъ въ немъ сердце ретивое,
Пронзилось острою стрѣлой,
Ни днемъ, ни ночью нѣтъ покоя;
Тоскою мучится онъ злой!
Но въ вѣкъ любить не обѣщаясь,
Онъ хочетъ клятву шу сдержать;
И съ міромъ и съ собой прощаясь,
Желаетъ дни свои скончать.
Идетъ—и вдругъ скала крутая,

Стоитъ надъ быстрою рѣкой;
Къ рѣкѣ главу свою склоняя,
Изчезъ онъ быстрою стрѣлой....
Запѣнились валы сѣдыя,
Взревѣла хлябь—и стихла вскорѣ,
И дѣвы очи голубыя,
Льютъ жемчужны слезы въ горѣ,
И тухнетъ свѣтлый взоръ съ зарей,
Невинной жизни молодой.
Влача дни юные съ тоскою,
Она все плачетъ и груститъ;
И какъ, рабочею порою,
Уѣдутъ всѣ одна сидитъ
Подъ тѣнью липы вѣковой,
И горьки слезы льетъ рѣкой;
Или какъ тайный призракъ бродитъ
Вкругъ мрачной хижины своей;
Но все тоска за нею ходитъ,
Покой отъемля милыхъ дней.

Д. К.

Прощаніе съ любезной.

Проспотой ты увеличила
Свое нѣжно мило личико,
Не щадила поцѣлуевъ мнѣ
Съ томнымъ взглядомъ и улыбкою.
Проводилъ съ тобою часы радости,
Часы времячка невиннаго.
Я любилъ тебя, какъ родну сестру,
И любить хотѣлъ еще болѣе.
Мало дней осталось скучныхъ намъ,
Подходило время къ радости.
Перестали бъ ахъ! пылать тогда
Безъ отрадною любовію;
Утопали бъ тогда въ счастіи
Какъ въ лѣсу, гдѣ тихи горлицы.
Но увы! теперь жестокой рокъ
Насъ заставилъ разлучиться,
Не купаться намъ теперь въ счастіи,
Обливаться горючьми слезьми.
Ты останешься, душа моя,
На своей любезной родинѣ;
А мнѣ ѣхать, добру молодцу,

На чужу дальню сторонушку.
Выходи ты чаще на берегъ,
На родной берегъ Москвы рѣки;
Посылай струею вздохи мнѣ,
Вздохи нѣжные, невинные;
А я буду съ скукой, грустію,
Принимать ихъ на Окѣ рѣкѣ.
Понесусь я въ лѣса темные,
И сорву въ лѣсу розу алую;
Сяду съ грустью подъ ракитушку
И оплачу незабудочку.
Воображу я щечки аленьки,
И уста твои прелестныя,
Положу послѣ къ сердечушку.
Пусть чтобъ сердце мое билося,
Пусть какъ воскъ оно истаило,
А ты бъ друга своего помнила.

П. Р.

Тоска о прошедшей весне.

Увяли ахъ! розы
Съ прошедшей весной,
Наспали морозы
Съ возникшей зимой.
Съ весной вмѣстѣ скрылось
И лѣто въ глазахъ,
Рой птицъ не плодился,
Въ лѣсахъ и лугахъ.
Проститесь пернаты,
Вамъ счастья не зрѣть,
Васъ крылья мохнаты
Не будутъ такъ грѣть,
Какъ грѣли средь лѣта
Въ кудрявыхъ древахъ!
Зима намъ, Лизета,
Урокъ есть въ глазахъ;
Весной возникаемъ,
Средь лѣта цвѣтемъ;
Зимой увядаемъ,
Сѣдымъ крыты мхомъ.
Не всякій лишь знаетъ

Зимы хладный день,
Иной утекаетъ
Весной въ мирну сѣнь.

Д. К.

Русская пѣсня.

Запмись мѣсяцъ, запмись полный
пы сей часъ,
Проподите звѣзды яркія отъ глазъ;
Не свѣтите вы планеты въ полнотѣ,
Дайте мнѣ судьбу оплакать въ темнотѣ.

Я оплачу и уѣду въ чужой край,
Тогда мѣсяцъ и ты рдяной запылай,
Вѣперъ будетъ, какъ здѣсь волны колыхать,
Точно такъ во мнѣ тамъ сердце трепетать.

Какъ здѣсь туча мрачна дождичекъ
прольетъ,
Такъ стенанье тамъ слезу мою про-
бьетъ;
Запылаетъ сердце пламеннымъ огнемъ,
Подкоситъ мнѣ ноги будто бы сер-
помъ.

Тутъ накроютъ меня саваномъ про-
стымъ,
И изчезнетъ образъ мой тогда, какъ
дымъ;
Какъ черви начнутъ лобъ ужь мой
точить,
Тогда можетъ начнетъ въ милой серд-
це ныть.

Она скажетъ: я измѣнница ему
Другу нѣжному, и сердцу моему;
Мое сердце голубкомъ что то дро-
житъ,
Можетъ милый мой въ гробу теперь
лежитъ.
П. Р.

ГОЛУБОКЪ.

Романсъ

На лужку ранней порою,
Ворковалъ такъ голубокъ:
Мнѣ съ подругою драгою,
Жить велѣлъ въ разлукѣ рокъ.

Для кого сберу пшеницу?
Нѣтъ подруги, нѣтъ птенцовъ;
Встрѣчу только я денницу,
То летѣть къ ней въ мигъ го-
товъ.

За моря, за сини горы,
Полечу туда стрѣлой;
Коль найду, тогда укоры —
Будетъ слышать край иной,

Я скажу, ты измѣнила,
Что забыла друга, ахъ!...
Но прости: можетъ могила
Твой давно сокрыла прахъ.

Можетъ быть стрѣлокъ коварный
Изъ ружья тебя убилъ;
Можетъ путникъ чужестранный
Тебя въ землю схоронилъ.

Д. К.

Масляница.

Вотъ наступила масляница—этотъ съ нетерпѣніемъ жданный чернымъ народомъ праздникъ!

Я встаю сегодня въ восемь часовъ, приказываю подать себѣ новое платье, одѣваюсь какъ должно, привѣтствую домашнихъ своихъ и выѣзжаю изъ двора съ полнымъ удовольствіемъ и съ великою радостію въ душѣ, дабы пошататься по городу и посмотрѣть на веселящихся людей. Сего дня Масляница! думаю я самъ въ себѣ.

Ѣду по большой улицѣ: сани, коляски, кареты мчатся съ быстротою

мимо меня; всякаго состоянія народъ толпится взадъ и впередъ по улицамъ. Какой шумъ, какое волненіе въ городѣ! Сегодня Масляница!

Ахъ, друзья мои! сегодня ни одинъ человѣкъ не сидитъ дома; сегодня всякой наслаждается роскошнымъ праздникомъ; всякой хочетъ веселиться и имѣетъ хоть малое удовольствіе; всякой оставляетъ всѣ домашнія свои заботы и нужды; всякой думаетъ въ душѣ своей: сегодня Масляница!

Скромный мѣщанинъ, надѣвъ нынѣче новую сибирку, которую онъ пріобрѣлъ трудами своими, выходитъ съ великимъ восторгомъ изъ дому, дабы веселиться и наслаждаться давно ожиданнымъ праздникомъ. Онъ идетъ не смотря ни на кого: сегодня масляница! думаетъ онъ самъ въ себѣ.

Беззаботный сапожникъ, идетъ напѣвая веселую пѣсню, раскачиваясь по улицѣ; онъ веселъ, не отягощенъ никакими заботами нынѣшняго свѣта.

Онь идетъ своею дорогою и съ удовольствіемъ заходитъ въ *Новой* (1), дабы выпить чашку вина, по своему обыкновенію. Онъ доволенъ самъ собою и не желаетъ быть болѣе теперешняго своего состоянія. Теперь-то я попирую! думаетъ онъ, теперь-то повеселюсь я! сего дня Масляница.

Трудолюбивый поселянинъ, кормилецъ прочихъ... продавши привезенный имъ изъ деревни хлѣбъ, идетъ бодро и весело съ товарищами своими; напѣвая громко пѣсню, желаетъ повеселиться праздникомъ, желаетъ посмотрѣть городскихъ нарядныхъ бояръ, скачущихъ по улицамъ. Онъ смотритъ на всѣхъ равно; онъ теперь всѣмъ равенъ: сегодня Масляница....

Но ахъ, друзья мои! вотъ уже и послѣдній день Масляницы нашей проходитъ; солнце скрывается за гори-

(1) Названіе питейнаго дома.

воипъ, сокрылось—и наступила суровая ночь. Всякой удаляется въ жилище свое съ невольнымъ вздохомъ о любезной Масляницѣ; всякой входитъ въ домъ свой печальнѣе, нежели какъ вышелъ изъ онаго. Ахъ, друзья мои! Масляница уже прошла; наступилъ суровый великій постъ; ремесленникъ снова сѣлъ за работу свою, и съ невольнымъ вздохомъ промолвилъ: ахъ! какъ скоро пролетѣла любезная наша Масляница!...

П. Р.

Черкесъ.

Черкесъ въ горахъ не засыпаетъ,
Сидѣлъ—и выждалъ козака.
Напрягши лукъ, стрѣлу пускаетъ,
Черкеса сильная рука;
Козакъ, качаясь упадаетъ,
На землю смуглымъ лицемъ.
Привстать онъ силится, желаетъ,
Мстить пики остріемъ концомъ.
Но ахъ! простись ты житель Дона,
Съ семьей, станицей и женой,
Никто не идетъ унять и стона,
Одинъ лишь конь тутъ вѣрный пвой.
Печальны взоры обращая
На трупъ пронзенный ѣздока,
Копытомъ въ землю ударяя
И ржаньемъ кличетъ козака,
Козакъ ему уже не внемлетъ,
И вѣрный конь теперь не милъ;
Его хладъ смерти ужь объемлетъ,
И все, что мило—онъ забылъ.

Д. К.

Упрекъ.

Кто мнѣ въ горести поможетъ,
Кто избавитъ отъ бѣды,
Въ сердцѣ радости кто сложетъ,
Канетъ въ душу мнѣ воды?
Чтобы сердце не горѣло,
Не жглабъ душу мнѣ огнемъ;
Чтобъ остаткомъ не доплѣло
Утромъ, вечеромъ и днемъ?
Но я зналъ когда то-радость,
Былъ и веселъ средь друзей;
Но теперь же вянетъ младость,
Какъ цвѣтокъ среди полей.
Былъ любимъ я прежде всѣми,
Во время то какъ былъ богатъ;
Но теперь отверженъ тѣми,
Коимъ былъ всегда я радъ.
Тѣ, которы удивлялись,
Что для ихъ все не щажу,
Нынѣ жъ мнѣ они смѣялись,
Что задумчивъ я сижу.

Говорили, что съ тобою,
Ты не хочешь веселъ быть?
Но измѣнною рукою,
Не могли слезъ осушить—
Тогда вспомнилъ слова вѣрны
Въ Мерзляковой пѣснѣ я:
»Всѣ друзья не лицемѣрны,
»Ахъ! до чернаго лишь дня.

П. Р.

Грусть поселянки.

Разговоръ я слышалъ дѣвичій
Поселянокъ загорѣлыхъ
О бесѣдахъ ихнихъ свадебныхъ,
О пирахъ зимнихъ вечерніихъ,
При закатѣ ясна солнышка,
На концѣ деревни новыя.
У воротъ, воротъ скрыпучіихъ,
У окна, окна косящиша.
Въ тѣсный кругъ они сбиралися,
На опрубкахъ дубовъ старыихъ;
И съ платковъ ихъ разноцвѣтныихъ
Висятъ косы переплетенныя,
Переплетенны алой ленточкой,
Знакъ дѣвической стыдливости.
У одной та лента черная,
И сама она задумчива.
И всѣ стали ее спрашивать,
Отъ чего же ты, подруженька,
Все молчишь?—или сгруснулася?
Ты кажись была рѣзвѣй всѣхъ насъ.
Тутъ вдругъ дѣвица заплакала,

И заплакавши обнимала всѣхъ,
Вы простите ахъ! подруженьки,
Говорила имъ рыдаючи:
Мнѣ не долго съ вами пѣсеньки,
Пѣсни пѣть хороводныя;—
Мнѣ не долго плести косыньку,
Косу русую до пояса!
Отдаетъ то меня батюшка,
Въ село дальнее за стараго;
Забыть парня надо милаго
Холостаго и кудряваго.
У меня въ горя кручинушки,
Извертѣло все сердечешко,
Что забыть то надо милаго,
И въ неволѣ жить съ постылымъ.

Д. К.

Элегія.

Я здѣсь тѣнію брожу
И ночной, и денной,
Но нигдѣ не нахожу
Друга жалостнаго.

Кто бы спасъ меня? зову,
И просилъ и молилъ;
Усыпилъ бъ мою главу,
Сномъ покойнымъ.

Лишь красавицы одинъ,
И любя какъ себя,
Въ моемъ юношескомъ днѣ
Упѣпалися.

Но друзья лишь для того,
Чтобъ хранить и любить,
Часть дать счастья своего,
Доколѣ въ радостяхъ.

Для чего на свѣтѣ жилъ,
Былъ рожденъ, сотворенъ?
Но потухнутъ часъ пробилъ,
Искрой меленькою.

Ахъ! конца жду скоро я,
На краю жизни стою;
И не знаютъ то друзья,
Что прощаюся.

Кто вошедши въ тотъ покой,
Гдѣ со мной игралъ, плясалъ,
И шутъ съ томною душой
Кто расплачится?

Лишь красавицы войдутъ,
Но ужь тутъ не найдутъ,
Тяжко можетъ воздохнутъ
Съ душой нѣжною.

Для чего лишь, скажутъ, жилъ,
Былъ рожденъ, сотворенъ?
Но потухнутъ часъ пробилъ,
Искрой меленькою.

П. Р.

Воспоминание о любезной.

Мое сердце тоска гложетъ
Давно и всѣчасно;
Друзей дружба не поможетъ,
Ахъ! это ужасно!—

Кто же сердцу дастъ отраду
Возвратитъ веселье?
За любовь долго ль въ награду
Мнѣ терпѣть мученье?

Хотъ Полина подъ землею,
Два года, подъ хладной;
Но я съ ней всегда одною
Въ мечтахъ безотрадный.

И мои чувства къ Полинѣ
Тогда лишь угаснутъ,
Когда гробъ мой на холстинѣ
Въ землю спускать станутъ.

Д. К.

Романсъ.

Полно жаворонокъ милый
Виться въ полѣ надо мной,
Голосочикъ твой унылой
Душу полнитъ мнѣ тоской.

Ты чай знаешь, что безъ друга
И тебѣ жить тошно здѣсь;
Какъ умретъ твоя подруга,
Грустно будетъ на лугъ сѣсть.

На тотъ лугъ, гдѣ наслаждался,
Щипалъ травку вмѣстѣ съ ней,
И въ песочкѣ ты купался
Гдѣ съ подруженькой своей.

Скажешь, нѣтъ ея со мною;
Безъ ней жить я не хочу;
И съ отчаяньемъ, съ тоскою.
Къ облакамъ я полечу. —

Къ облакамъ когда завьешься,
Внизъ спремглавъ, ты полетишь
И объ землю ушибешься,
Грусти тѣмъ себя лишишь.

Но ты веселъ, что подруга
Твоя милая съ тобой,
Въ свой веселый часъ досуга
Громче жаворонокъ пой.

А я въ грусти и въ несчастьи
Стану здѣсь одинъ стонать;
Въ свѣтлый день я и въ ненастьи
Стану Соню вспоминать.

Ты жь изъ жалости душевной
Лети, жаворонокъ мой,
Къ моей Сонѣ драгоцѣнной,
И печально ей пропой.

Докажи ей, что страдаю
Въ сихъ несноснѣйшихъ мѣстахъ,
Ея призракъ обнимаю,
Всюду ужасъ, со мной страхъ.

П. Р.

Романсъ.

Видъ зари румяной въ полѣ
Духъ мой скукою томитъ ;
Быть тебѣ въ несчастной долѣ
По всѣчастно мнѣ твердитъ.

Я былъ рѣзовъ и манила,
Слава въ свѣтѣ лишь блистать;
Кровь кипѣла,— и вдругъ стыла,
Не умѣлъ долго вздыхать.

Но теперь узналъ несчастье
Я двоякое себѣ;
Послѣ солнца, вдругъ ненастье,
Послать вздумалось судьбѣ.

Безъ надежды люблю страстно ,
Въ скукѣ дни свои влачу ,
Рокъ велѣлъ забыть , ужасно ! —
Забываю;—и лечу.

Я, какъ бабочка, попался
Въ сѣти хитрыя любви;
И съ свободой распрощался,
Запылалъ огонь въ крови.

Изъ столицы шумной ѣду,
Прощай родина моя!
Гдѣ найти, думалъ, побѣду,
Надъ любовью пылкой я.

Ищу вѣрнаго мнѣ друга!
Гдѣ же друга мнѣ найтить,
Кто бы скучный часъ досуга
Могъ со мною раздѣлить?

Всѣ друзья мои съ обманомъ,
Всѣ смѣются надо мной!
Боже! — не былъ я тираномъ;
По что жь жребій жестокъ мой?

Не ужель за то поносенъ,
Что съ простой душой рожденъ?
Всѣмъ я въ тягость, и несносенъ,
И терпѣть зло осужденъ!

Я въ друзьяхъ нашелъ измѣну,
А въ любви—мгновенный сонъ;
За добро мое въ замѣну
Всѣ оставили лишь стонъ!

Д. К.

1161 —
904

Эпитафія.

Похомъ съ друзьями распростился,
Ушелъ безъ долгу на тотъ свѣтъ;
Кому былъ долженъ, тѣхъ лишился,
И жилъ такъ честно, сколько лѣтъ.

Д. К.

РОБРОЙ.

БАЛЛАДА.

Покрылись лишь тьмою
Ночной небеса,
То снится Роброю
Семиры краса.
Какое то пѣнье
Онъ слышалъ въ тотъ разъ,
И кровью въ смущеньи
Вся грудь облилась.
Онъ слышитъ ли стуки,
Стучатъ и гремятъ;
То кони къ разлукѣ,
Ужь милую мчатъ!
Вскочивши, хватаетъ
Для хищника данъ;
Герой улетаетъ,
На тайную брань.
Догнавъ, кричитъ: кони!
Постойте на часъ;
Мечи всѣ и брони
Сготовилъ для васъ!
Съ коня вдругъ слѣзаетъ

Сеидъ молодой,
И самъ обнажаетъ,
Онъ мечь роковой.
Тупъ сталь засверкала,
Заржали кони,
Семира спонала
Какъ бились они.
Не много продлилась,
Ужь Сейдъ устававъ;
Глава покатилась
И трупъ упадалъ!
Роброй же къ Семирѣ
Какъ тигръ подбѣгалъ;
Кого любилъ въ мірѣ
Того убивалъ.
Онъ злобой пипался,
Садясь на коня,
И вихремъ помчался
Оружьемъ звеня.
Вдругъ Днѣпръ показался,
Роброй увидалъ
И съ злобой бросался,
Съ конемъ утопалъ.—
Гдѣ мщеніе было,

Мечей гдѣ былъ звонъ,
Тупъ нынѣ могила
Семиры и стонъ.
Стонаетъ и плачетъ
Семира всякъ день;
Ѣздокъ, когда скачетъ
И видитъ тутъ тѣнь.
Въ долинѣ же камень
Надъ Сейдомъ стоитъ,
И пышетъ тутъ пламень,
Убитый гдѣ спитъ.
И слышутся крики:
Мнѣ душно лежать,
Пустите владыки,
Роброю отмщать. —
Когда жь Днѣпръ волнуетъ,
Рыбаки всѣ спятъ,
Долина тоскуетъ
И птички молчатъ. —
Волна волну гонитъ,
За ними Роброй;
То вверхъ, то потонетъ,
Опять хочетъ въ бой.
Волну разсѣкаетъ

Мечемъ зла герой,
Сеида мечтаемъ
Убійца! Роброй!
И волны играли
Тогда межь собой,
И рыбы шептали:
О варваръ! Роброй!—
Съ ужаснымъ стремленьемъ
Вдругъ громъ прохропалъ,
Растался съ спасеньемъ,
Роброй утопалъ.—

П. Р.

Смерть отъ любви.

Среди лѣта среди краснаго
Собиралися въ кругъ дѣвицы.
Нѣтъ теперь для нихъ опаснаго,
Нѣтъ снѣговъ, нѣту метелицы.
Дѣвы въ радостяхъ сбираются
Въ лѣсу, ягоду брать спѣлую;
Тутъ поля ихъ оглашаются
Звонкой пѣснію веселою.
Съ кузовками, ногой дружною,
Въ лѣсъ взошли всѣ и разсыпались,
И въ минуту для нихъ скучную
Въ далекѣ всѣ перекликались.
Но вотъ въ сумерки сбираются,
Перекликавшись, домой идутъ:
Нѣтъ одной, ахъ! озираются,
По подружкѣ стали всѣ грустить.
Крикъ и искъ ихъ не напрасенъ былъ;
Нашли дѣву—на землѣ лежитъ,
Въ слезахъ бѣдная совсѣмъ безъ силъ;
Пустъ ея и кузовокъ стоитъ.

Ахъ! подружки мои вѣрныя,
Имъ она говоритъ стѣня,
Вы оставте, неизмѣнныя,
Умрѣть здѣсь одное меня.
Не поможете вы ласками
Моему, ахъ! горьку жребію!
Я со вздохами со тяжкими
Соединюся скоро съ смертію!
Меня сватаютъ немилому,
А милаго покидать велятъ.
Не пойду ужь я къ постылому,
Скорѣй мертвую въ лѣсу узрятъ;
Такъ простите, мои милыя,
Не водитъ съ вами хороводы мнѣ;
И овечьки мои сирыя
Ужь останутся теперь однѣ! —
Такъ оставили несчастную
Съ грустью въ сердцѣ: всѣ пошли домой.
Дѣву послѣ въ бурю страшную,
Нашли мертвую порой ночной.

Д. К.

Прогулка.

Едва лучи солнца начали позлащать верхи башенъ и домовъ въ столицѣ, утро наступающаго лѣта предвѣщало благопріятную погоду дня, я тихими шагами вышелъ вонъ изъ шумной столицы въ поле, дабы полюбоваться природою и наслаждаться свѣжимъ сельскимъ воздухомъ. Прошедши отъ заставы уже около шести или семи верстъ, не одинъ еще предметъ не занималъ моей мысли. Иду далѣе... и вдругъ предстало то, чего давно искалъ взоръ мой: это была деревня, на скатѣ горы лежащая.

Въ правой сторонѣ отъ деревни видна была березовая роща; а далѣе— видны хребты горъ, возвышающіеся до облаковъ. Рѣка, извившаяся вдоль деревни и по лугу, протекала къ той рощѣ, куда я направлялъ шаги мои.— Я въ задумчивости прихожу къ рощѣ

и, выбравъ возвышенное мѣсто, сѣлъ на берегу протекавшей рѣки, коей тихое журчаніе, съ громогласнымъ хоромъ пернатыхъ, придавало какое то меланхолическое воображеніе. Вдали, на зеленыхъ коврахъ, усыпанныхъ разнообразными цвѣтами, паслись безчисленныя и тучныя стада. И въ это самое время, вокругъ меня все было тихо: ни одно облако не носилось на свѣтло-голубомъ эфирѣ; листья деревъ едва колеблемы были тихимъ дыхающимъ зефиромъ: и такъ я, бывши долгое время въ размышленіи, непримѣтнымъ образомъ досидѣлъ бы до самаго вечера, еслибъ раскатъ грома не вывѣлъ меня изъ задумчивости. Я взглянулъ на небо и вижу: вдругъ небо покрылось страшною тучею, предвѣстницею долговременной грозы.— Я всталъ тотчасъ и воскликнулъ: Боже мой! такъ иногда скоро и непримѣтно затмѣваются дни нашей радости страшными тучами бѣдствія!

Вздохъ вылетѣлъ изъ груди моей, и въ это время подулъ сильный вѣтръ, и рѣка, всколебавшися, гнала скоро волны одну за другой. Стада съ пастухами спѣшили укрыться подъ кущи деревъ;—удары усиливаются одинъ за другимъ; — молнія, сверкая извилинами, преломляется въ воздухѣ; дождикъ полился рѣкою;— я ускоряю шаги отъ этаго мѣста, спѣшу укрыться въ близь находящуюся деревню; но буря и дождь усиливаются и я, измокшій весь отъ дождя, едва, едва дошелъ до первой попавшійся мнѣ хижины. Я стучусь въ окошко, окошко отворяется, и выглядываетъ оттуда удрученный старостію и убѣленный сѣдинами крестьянинъ, который спросилъ: Что, милостивый государь, видно отъ погоды? взойдите, взойдите сюда; вы такъ кажись измокли, что и ниточки сухой на васъ нѣту. Я отвѣтствовалъ: точно, любезный! непогода заставила меня удалиться въ сіе

мѣсто. Онъ въ минуту закрылъ окно и, отворивъ ворота, ввелъ меня въ довольно опрятную комнату, гдѣ взору моему предстала картина семейственной и простой сельской жизни. Посредственныхъ лѣтъ мущина, сидя у стола, плелъ сѣти, подлѣ его также сидѣла — нестарыхъ лѣтъ и довольно хорошая женщина, казавшаяся быть его женою, которая съ веселымъ видомъ разбирала рыбу. Вокругъ ихъ, на полу, играло трое дѣтей, отъ трехъ и до десяти лѣтъ. Какъ я вошелъ съ почтеннымъ старцемъ, то мущина и женщина, вставши, оставили дѣло и просили меня сѣсть на большую скамью; а сами между тѣмъ постилали на другой лавкѣ солому и сѣно, и просили меня снять верхнее намокшее платье, дабы его высушить и мнѣ отдохнуть на посланной соломѣ. Я снялъ платье и, благодаря ихъ за ласковый пріемъ, сказалъ, что я не такъ то усталъ, но только лишь намокъ, и

что пріятнѣе мнѣ будетъ сидя глядѣть на ихъ занятія. Всѣ сѣли опять за свое дѣло и старикъ, взявши съ окна недокончанный еще лапоть, сталъ его плести: я между тѣмъ, разговаривая съ нимъ о скоро наступившей грозѣ, спросилъ и о его семействѣ. Онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что онъ уже давно овдовѣлъ, а видимой мною крестьянинъ былъ его сынъ.

А это вотъ, баринъ-батюшка, говорилъ онъ, моя сноха; а это, указывая на малютокъ, мои внучаты: одни при старости моихъ лѣтъ меня утѣшаютъ. Сынъ мой тожъ занимается рыбной ловлей, чѣмъ прежде занимался и я.—И такъ, во всеобщемъ простомъ разговорѣ застаетъ насъ уже вечеръ.—Гроза начинала проходить мало по малу; небо проясняется, и наступаетъ прелестный вечеръ. — Я хотѣлъ возвращаться обратно къ своему жилищу, но уже было поздно, да и къ тому же по разговору добрыхъ поселянъ

любопытство побуждало меня осмотрѣть ихъ вечеровыя увеселенія, послѣ дневныхъ трудовъ всегда бывалыя. — И такъ, я рѣшился у нихъ переночевать. Не прошло послѣ этаго болѣе получаса, какъ вдругъ поразилъ слухъ мой звукъ многихъ голосовъ мужескихъ и женскихъ, вмѣстѣ со звуками рожковъ и свирели. Тутъ старикъ съ сыномъ взяли меня за руки и сказали: пойдемте-ка, сударь, съ нами, и посмотрите на наше простое увеселеніе.

Женщина, слѣдуя за нами, взяла на руки одного ребенка, а двое, бѣжавши за нею, прыгали отъ радости. Мы выходимъ, и вотъ явилась глазамъ картина сельской патріархальной жизни, представляющая мѣсто прошедшихъ временъ,—жителей счастливой Аркадіи! Пестрый хороводъ обоего пола молодыхъ людей, при звукахъ рожковъ и свирѣли, съ пѣніемъ пѣсенъ кружился по зелено-бархатному лугу; маленькія же дѣти, по одоль пускали змѣи и

играли въ бабки, дряхлые и убѣлен-
ные сѣдиною старцы сидѣли у во-
ротъ деревни, опершись на посохи, и
въ дружескихъ разговорахъ вспомина-
ли прошедшія дни своей юности. —
Потомъ молодые люди оставляютъ
хороводъ, берутся попарно и пляшутъ
вокругъ стоявшей тутъ березы; по
окончаніи пляски, начинаются горѣл-
ки; и такъ они въ восторгѣ мѣняютъ
скоро игры одна за другою.—Эхо смѣ-
шанныхъ голосовъ отдается въ отда-
леніи, подобно оркестру цѣлой музыки.
Игры эти продолжались далѣе полуно-
чи; потомъ всѣ разошлись подъ кров-
ли своихъ мирныхъ хижинъ, вкусить
покой сладкаго сна. Я же, видѣвъ сіе
зрѣлище, не могъ въ размышленіи дол-
го смыкать своихъ глазъ, и слезы ра-
дости и удовольствія блистали на
рѣсницахъ моихъ. И такъ, бывъ дол-
го въ сладкомъ размышленіи, предался
наконецъ въ объятія Морфея и, про-
снувшись, увидѣлъ, что уже солнце

высоко взошло на горизонтѣ, и птицы провозглашали блаженство наступившаго дня. А я, вставши отъ сна, благодарилъ добрыхъ поселянъ за ласковое гостепріимство и за ночлегъ, давъ имъ несколько монетъ за проведенныя мною часы удовольствія, которыя они съ великою отговоркою, едва могли взять, говоря, что они ради всѣмъ добрымъ людямъ, которые ихъ посѣщаютъ. И такъ я отправился обратно въ шумную столицу, и шедши всю дорогу, сравнивалъ градскую шумную скуку, съ сельской мирной жизнію—и невольно вскрикивалъ: блаженъ, кто предпочелъ соломой крытыя хижины, сельскую и трудолюбивую жизнь, богатымъ каменнымъ чертогамъ, и праздной сластолюбивой роскоши!—

Д. К.

Не тотъ счастливецъ, кто въ богатствѣ
На степень знатности взошелъ;
Но тотъ счастливъ, кто жизнь въ пріятствѣ,
Съ утра до вечера провелъ.

Д. К.

Эпиграмма.

Ефремъ, ученый нашъ Педантъ,
Имѣлъ охоту, чтобъ рядиться,
И вотъ однажды модный франтъ
Съ Козьмою гдѣ то могъ сойтиться.
»Ну что Козьма, каковъ костюмъ?
Надѣнь и Графу не обидно;
Плащемъ украсишь ты свой умъ,
Тебѣ не такъ то будетъ стыдно.«
Картузъ я бралъ у Деламошъ
Въ торгу Французы вѣдь невинны.
»Картузъ, братъ, очень твой хорошъ,
Да уши только подъ нимъ длинны.

П. Р.

Непостоянность.

Къ чему слава, къ чему почести,
Безъ спокойствія сердечнаго?
Такъ на что жь искать и доблести;
Что жь, искать намъ въ мірѣ вѣч-
наго?
Все пройдетъ, и все минуется,
Въ перемѣнахъ наша жизнь идетъ;
Жизнь съ природой согласуется,
То, вдругъ солнышко — то дождикъ
льетъ.
Младой витязь, сидя думалъ такъ,
Средь дружины своей вѣрныя.—
Этотъ витязь былъ Донской козакъ.
Дни онъ въ жизни зналъ премѣнные,
Видѣлъ горе, и дни радости;
Зрѣлъ потѣху съ врагомъ бранную;
Испыталъ еще онъ въ младости
Любви сердца стрѣлу раннюю.
Такъ мечтавши, онъ воскликнулъ
всѣмъ:
Я, друзья! любилъ невѣрную;
Такъ, друзья мои—скорѣй умремъ,

Чѣмъ лобзать теперь измѣнную. —
Сиротой жилъ сколько лѣтъ козакъ,
Измѣнила и любезная;
Видно надо злой судьбинѣ такъ,
Чтобъ была намъ жизнь премѣнная.

Д. К.

Эпиграмма.

Сіпарикъ-подагрикъ ухитрился,
По больше вздумалъ походить;
Рыскнулъ!—и въ третій разъ женился,
Женился съ тѣмъ, чтобы водить
Его могла всегда супруга
Въ большихъ покояхъ и садахъ.—
И что жь?—Унялъ онъ, боль недуга,
И какъ олень бѣгалъ въ рогахъ.

Д. К.

Ожиданіе восторга.

Однажды лѣтнею порою,
Въ своемъ саду я какъ то спалъ,
Съ нетерпѣливою душою
Къ себѣ красотку свою ждалъ. —

Когда кусточикъ запересется
И вѣтерокъ лишь зашумитъ,
И сердце и душа забьется,
Смотрю, не Саша ли спѣшитъ.

Но нѣтъ, не льзя ей тогда было,
Съ ней вмѣстѣ бабушка спала;
Ее же бабушка любила,
И очень Сашу берегла.

Но лишь заснула какъ старушка,
То смѣлость Сашинька взяла;
Помочь Амуру намъ игрушка,
Со мной ужь Сашинька была.

И такъ я съ Сашей увидался
Въ саду, въ бесѣдкѣ, въ уголкѣ;
И все на бабушку смѣялся
И былъ въ восторгѣ, не въ тоскѣ.

Когда всходить стала Аврора,
То Саша стала говорить:
Не вышлабъ какъ какого вздора,
Пора мнѣ къ бабушкѣ идтить.

Я съ нею страстно распрощался,
И по аллеямъ самъ провелъ;
Потомъ опять въ саду остался,
На то же мѣсто спать пошелъ.

Тогда ужь очень поздно было,
И я на тучу лишь взглянулъ;
И сердце, ужасъ, какъ заныло,
Я первернулся и заснулъ.

П. Р.

Хоръ русалокъ.

Днѣпръ широкій волновался,
Полночь тихая была,
О брега онъ ударялся,
Лишь луна только плыла.
Но чей голосъ раздается
Въ часъ полночной тишины?
Хоръ русалокъ то несется
Съ полуденныя страны:
Власы легки распустивши,
По волнамъ они плывутъ,
Рука руку ухвативши,
И ко брегу:—вотъ и тутъ
Полукружіемъ стояло
Хоръ русалокъ молодыхъ,
Отдаваться эхо стало,
Днѣпръ заслушался, утихъ.
Въ думу мрачну погруженный,
Рыбакъ старый тутъ сидѣлъ
На скалѣ уединенный,
Юность младу онъ воспѣлъ!
Слышитъ вторются припѣвы:
»Вы рѣзвитесь, старики.«

Изумившись, видитъ дѣвы
Это пѣли близь рѣки.
Онѣ ближе его манютъ,
И въ кругъ рѣзвый онъ зашелъ,
Онѣ въ воду его тянутъ...
И рыбакъ на дно пошелъ!..
Всѣмъ замѣтно послѣ стала,
На брегу видны слѣды;
Въ срочно время выплывала
Тѣнь рыбачья изъ воды.

Д. К.

Трiолеты.

Какъ надежды лучь блеснетъ,
Горесть мигомъ исчезаетъ;
Сердце снова оживаетъ,
Какъ надежды лучь блеснетъ.
Смертный скорьби забываетъ
И блаженный часъ поетъ,
Какъ надежды лучь блеснетъ,
Горесть мигомъ изчезаетъ.

П. Р.

Дѣвицамъ.

Дышетъ злобою все въ мірѣ,
Жало зависти шипитъ;
Родству, дружбѣ, любви, лирѣ,
Нѣтъ пощады,—ужасъ! стыдъ!

Дѣвы юны, не спѣшите
Вы у взрослыхъ брать урокъ;
Ахъ! на младость не глядите;
Она свянетъ какъ цвѣтокъ.

И цвѣтокъ, палящій зноемъ,
Лучше въ полѣ простоитъ;
Чѣмъ прохладнымъ вѣтра воемъ,
Съ стебелька далѣй слетитъ.

Д. К.

Анютѣ.

Въ шестнадцатой веснѣ
Ты розой разцвѣтала,
И полюбилась мнѣ
Въ шеснадцатой веснѣ.
Простерши взоръ къ лунѣ,
Ты тайну мнѣ вѣщала,
Въ шеснадцатой веснѣ
Ты розой расцвѣтала!...

П. Р.

Къ надеждѣ.

Насъ надежда упѣшаетъ,
Мы съ надеждою живемъ;
Намъ надежда обѣщаетъ,
Такъ съ надеждой и умремъ.

Д. К.

Къ надеждѣ.

На счастіе я свою надежду полагалъ,
Въ надеждѣ только все мое блаженство было;
Надежду счастію я всюду довѣрялъ,
Но счастье убѣгло, надежда измѣнила.

П. Р.

Романсъ.

Разговаривая страстно,
Зябликъ съ пѣночкой сидѣлъ;
О, измѣна!—ты ужасна!
Молвилъ ей и полетѣлъ.

Въ слѣдъ за нимъ она летѣла,
Вобразивъ друга свого,
Томно, нѣжно! ахъ! запѣла,
Утѣшала такъ его:

Не тужи ты, говорила
Нѣжно пѣночка, ему;
Пройдетъ жизнь твоя постыла,
И конецъ будетъ всему. —

Я сама теперь несчастно,
Участь горькую терплю;
Я любила друга страстно,
И теперь еще люблю.

Но невѣрный мнѣ измѣну
Лишь оставилъ и вспорхнулъ;
За любовь мою въ замѣну,
Улетѣлъ и обманулъ.

Но придетъ такое время,
И намъ солнце прояснитъ;
И ужасно это бремя
Съ крылъ далой нашихъ слетитъ.

Д. К.

Беззаботность.

Блаженъ, кто пить умѣетъ славно,
Блаженъ вину кто атаманъ!
Я пью, не льзя сказать исправно,
А въ день семь разъ бываю пьянъ.
Какъ мысль мнѣ въ голову забьется
Мечтать о граціяхъ какихъ,
Желудокъ мой виномъ нальется,
А сердце скажетъ, что мнѣ въ нихъ.
Иной гримасничать пустился
Другой педантсвомъ занялся;
А я какъ до пьяна напился,
Творю въ каморкѣ чудеса.
Пускай словесность процвѣтаетъ,
Пускай и критики шумятъ;
Меня пусть Бахусъ навѣщаетъ,
Пускай судьи меня бранятъ!

П Р.

Исполненіе желаній.

Что желалъ я, то свершилось;
Прочь заботы, прочь печаль;
Ко мнѣ счастье появилось
И бѣды отгнало въ даль.
Хоть бѣда и возвратится,
Но теперь пока счастливъ;
Видѣлъ горе; что-жъ страшиться,
Все терпи, покуда живъ.
Съ равной все сноси отвагой,
Не будь глупъ, а будь умень;
Въ свѣтѣ разной передрягой
Рѣдкій былъ не возмущенъ.
Но теперь со мной Анюта,
Я и счастливъ и богатъ;
О блаженная минута!
Все исполнилось!... я радъ,

Д. К.

Монахъ.

ФАНТАЗІЯ.

Блеснетъ ли средь тучи
Могуча стрѣла,
То громы трескучи
Тревожутъ средь сна.
Отшельника кельи,
Который желалъ,
Чтобъ въ скуки, въ бездѣльи
Алину бъ лобзалъ.
Какъ не былъ въ пустынѣ
Былъ ею любимъ.
Со страхомъ же нынѣ
Въ объятьи однимъ
Онъ всюду мечтаетъ,
Чтобъ ею владѣть;
Не то, такъ желаетъ,
Чтобъ съ ней умереть.
Въ обители звоны
Онъ слышитъ когда,
Мечтаются стоны
Алины тогда.
Онъ ночью разъ слышитъ

За дверью стучитъ
Пустынникъ: чуть дышитъ
Ему жъ говоритъ —
Отворь ты дверь милый,
Взгляни хотя разъ,
Знакомъ будь съ могилой
Моею сей часъ.
Дверь тихой рукою
Тотчасъ растворялъ,
И чтожъ предъ собою,
Чтожъ увидалъ?
Всѣ фуріи ада.
Алину кружатъ:
Ты наша награда,
Алинѣ кричатъ!
Я днемъ ужазался,
Дивяся каршинѣ,
Со свѣтомъ прощался;
Стоя близь Алинѣ.—
Пустынникъ стонялъ!
Вдругъ громы трещали,
Тутъ стрѣлы пущали,
Пустынникъ пропалъ.

П. Р.

Прощаніе съ отчизной.

Ахъ! не долго мнѣ
Упѣшаться
Дружбой искренней,
Не притворною;
Въ кругу милыихъ
Моему сердцу,
Упоиться мнѣ
Ихъ бесѣдами.
За столомъ, сидя
Съ виноградникомъ
Дѣлить времечко,
Время радости.
Ахъ! не долго мнѣ
Взоръ привѣтный зрѣть,
Любви полонъ взоръ
Моей милыя.
Не лобзать ужь мнѣ,
Мнѣ безцѣнную
Свою Хлою, ахъ!
Я разстанусь съ ней,
Я разстануся

Все съ бывалымъ
Моимъ счастіемъ
Скоропечнымъ.
Ѣхать надобно
Въ чужу сторону,
Въ чужу сторону
Неизвѣстную.
Судьба злая, ахъ!
Приказала мнѣ
Забыть родину
И всѣхъ милыхъ.
А умру можетъ
Въ забытіи у всѣхъ,
Безъ горячихъ слезъ
Въ неизвѣстности.
Не раздастся звукъ,
Звукъ рыданія,
Надъ могилою
Моей хладною.

Д. К.

Русская пѣсня.

На ракитѣ воробей
Сидючи чиликалъ;
Изъ окошка близь сѣней
Парень дѣвку кликалъ.

Выдь-ка, лапушка моя,
Со мной повидаться;
Въ полѣ матушка твоя,
Нечего бояться.

Красна дѣвка услыхала,
Вертено бросала,
Вертенцо донцо кидала,
Къ парню выбѣжала.

Вотъ Тереша увидавши,
Шляпу ей снимаетъ,
Катю крѣпко онъ обнявши,
Гулять подзываетъ.

Пойдемъ, Катинька, въ лѣсочикъ,
Тамъ повеселимся;
Другъ на друга, мой дружочикъ,
Съ тобой наглядимся.

Прежде Катя удивилась,
Слыша таки рѣчи,
Со стыдомъ она склонилась
Къ Терешѣ на плечи.

Прежде щечка занялася
А послѣ другая,
А тамъ ножка затряслася,
И Катя нѣмая.

Для тебя, Тереша милый,
Я твоя дружочикъ,
Ты будь веселъ, не унылый,
Побѣжимъ въ лѣсочикъ.

П. Р.

Закатъ солнца.

Прости, о дневное свѣтило!
О солнце ясное! прости,
Меня ты нынче не забыло,
Молю и завтра навѣсти.
Твоимъ лучямъ я удивляюсь,
Когда ты свѣтишь въ полнотѣ,
Восходомъ дивнымъ восхищаюсь,
Какъ ты златишь все въ темнотѣ.
Разстаться должно непремѣнно,
Ты важно къ западу плывешь,
И за горами несомнѣнно
Себѣ спокойствіе найдешь.—
А я останусь съ мрачной думой
Безъ сна ночь цѣлу провождать;
Въ печали сидя, я угрюмый,
Тебя все буду ожидать.
Луна подруга мнѣ въ печали,
Я съ нею стонъ вмѣстѣ дѣлю,
Въ природѣ мертво—всѣ дремали,
Лишь я одинъ ее молю,
Чтобы она не оставляла
Въ безсонну скучну ночь собой;

Отраднымъ бъ свѣтомъ навѣщала,
Душѣ моей дала бъ покой. —
Вы два божественны свѣтила!...
Я васъ все буду вспоминать,
Закатъ вашъ умъ мой озарилъ,
Какъ надо смертнымъ умирать.

Д. К.

Плачь на могилѣ

или

Русская колдунья.

Повѣсть.

Любовникъ нѣжный ты къ могилѣ съ
грустью шелъ,
Но вмѣсто смерти же жизнь милую
нашелъ.
Гдѣ смертные въ гробахъ покоются
опъ дѣлъ,
Теперь влюбленнымъ тутъ всей радо-
сти предѣлъ.

Д. К.

Лишь только пробило восемъ часовъ; солнце съ горизонту скатилось по пурпурнымъ небесамъ въ опредѣленное ночное спокойствіе; едва томно мерцала между двухъ облаченныхъ тишиною горъ, легкой вечерній зефиръ, колыхалъ осиротѣлое древо, стоящее

среди скучной долины. Молодой мѣсяцъ гордо выплывалъ свыше волнистыхъ облаковъ, и шутя, путь свой направлялъ неоднообразно, заходя за одно маленькое облако, какъ дитя, играя на своемъ ложѣ, прятался подъ свое одѣяло, или какъ рыбакъ, колыхаясь въ челнокѣ въ бурное время, влекомый хребтомъ пѣнистой волны, то вверхъ, то внизъ, по нашей любезной Волгѣ. И потомъ, показался женихомъ на лазурныхъ небесахъ, важно смотрѣлся въ какое нибудь печальное озеро.—Не слышно было тогда меланхолической трели пастушечьяго рожка. Нѣтъ! этотъ виртуозъ проспаго инструмента въ объятіяхъ Морфея; сладострастно засыпалъ, приникнувъ нѣжно къ персямъ любезной его пастушки. Всѣ птички собрались по парно подъ прудовой покровъ своего ночлега; все молчитъ, лишь смѣлый соловей, любимецъ Авроры, не смотря что все начинало покоиться въ при-

родѣ, продолжалъ свою очаровательную арію, также нѣжная горлица вторила ему дуетомъ; но нерадостно, томно ворковавъ, сидя въ ущелинѣ, оплакивала убитаго своего друга: словомъ, все омрачало мою душу, и я, какъ дитя, заплакалъ, подражая горлицѣ, одной участницѣ въ моей горестной судьбинѣ, рѣшился идти туда, гдѣ еще бы болѣе могъ насладиться грустію, сидѣвъ на муравѣ, уронить нѣсколько горячихъ слезъ на какой нибудь цвѣтокъ, который, вѣроятно отъ столь пылкихъ капель, преклонитъ свою маковку къ землѣ, какъ мать, лежащая ничькомъ при могилѣ, оплакиваетъ свое дѣтище. И можетъ, приходя мимо лишительница моего блаженства и спокойствія, сорветъ несчастнаго и, по обыкновенію всѣхъ красавицъ приколетъ его къ груди своей, услышитъ какъ онъ забьется и, догодавшися, сниметъ и увидитъ, что болѣе завялъ и не во время. Она скажетъ:

ахъ! не такъ ли скоро вянетъ и мой любезный другъ.—Этому прошло довольно время и я, насладившись ложнымъ мечтаніемъ, пошелъ утѣшаться натуральной природой. Иду маленькою тропинкою, мимо небольшаго лѣса; но ничего не вижу особеннаго, чтобъ могло больше поколебать мою душу. Лишь слышно шорохъ однихъ листьевъ, и странное уканье загрубѣлаго Филина. И каждый шопотъ между кустовъ, мнѣ слышался шопотомъ безцѣнной ; я здѣсь; я здѣсь! и каждая тѣнь молодой липы мнѣ казалась , что несправедливая съ распростертыми руками, съ блѣдными ланитами, бѣжала пасть въ мои объятія, и просить прощенія у страдальца , обманутаго можетъ невинною. Но увы! это только вливало въ душу мою варварство, жалость, любовь , и отвращеніе. Я твердо зналъ, что другъ души моей увезена за нѣсколько верстъ; и потому , выкинувъ мечту изъ голо-

вы моей, я тихо пробирался изъ лѣсу чрезъ маленькой оврагъ на большую долину. Вдругъ вижу неподалеку показалась какая-то страшная старуха и, приближаяся ко мнѣ, продолжала слѣдующія слова: »Иди чрезъ эту ма»ленькую тропинку и поверни мимо »оврага на право, ты тамъ увидишь »то, что ищешь.« Сердце мое забилось и ноги запреслись какъ кустъ отъ вѣтру. Постоялъ долго на одномъ мѣстѣ и смотрѣлъ ей въ слѣдъ до тѣхъ поръ, покуда признанная мною волшебница, прошла лѣсъ. Идя прямо къ деревни, я не зналъ что дѣлать!

Но, будучи чрезвычайно любопытенъ, взглянулъ на небо, принялъ на себя смѣлость, и пошелъ по приказанной дорогѣ. Пройдя тропинку и роковой оврагъ, вижу вдали церковь, изъ которой въ окны былъ видѣнъ свѣтъ томно блестящихъ поникадилъ а близь ея, по пригоркамъ множество могильныхъ крестовъ. Я, не теряя

вольности духа, подхожу къ самымъ могиламъ, изъ которыхъ на одной вижу сидящаго монаха. Облокотясь на могильный крестъ, казалось онъ плакалъ. Какъ подошелъ къ самому къ нему, онъ тихо и плавно сказалъ мнѣ: Что ты подошелъ? какое тебѣ дѣло?— Я такъ изъ участія къ жалости. Къ жалости? повторялъ онъ еще томнѣй и нѣжнѣй, такъ садись къ этой могилѣ и раскажи мнѣ, за чѣмъ ты бродишь здѣсь въ такое ужасное время?— Я страдалецъ, Отецъ святой, потерялъ друга, который можетъ стоитъ мнѣ цѣлой жизни. Онъ странно въ темнотѣ взглянулъ на меня, и самымъ испуганнымъ, дрожащимъ голосомъ сказалъ мнѣ: Не плачь, я самъ гонимъ судьбою, и вспоминаю ту первую минуту, когда потерялъ то, что для меня не возвратно, и кляну всякъ часъ и день моего рожденія. Поди вонъ въ эту бесѣдку, посиди въ оной; я принесу тебѣ новость. Бесѣдка была

не далеко; я иду и сажусь противъ самой двери, чтобъ мнѣ видно было монаха. Не прошло одной минуты, вижу встаетъ съ могилы, мгновенно снимаетъ съ себя черное платье, и спремглавъ летитъ ко мнѣ въ обыкновенномъ женскомъ платьѣ, падаетъ ко мнѣ въ объятія съ восклицаніемъ: другъ мой! умремъ съ тобою: Вырвавшись изъ рукъ моего злодѣя, твоего хищника, я нѣсколько сотъ верстъ шла оплакать твои кости, лежащія въ хладной могилѣ. Я тебѣ не стану говорить, какъ увезена отъ тебя, мой несравненной, ты знаешь, знаешь все; но наши разлучители безвременно хотѣли умертвить меня, писали въ насмѣшку, что ты, мой ангелъ, въ объятіяхъ сырой земли. Я не знала какъ добраться до твоего вѣчнаго жилища; рѣшилась одѣться въ чернецкое платье, и войдя сюда на кладбище, зная по варварскимъ письмамъ, что ты покоишься здѣсь, спросила одного мимо-

прошедшаго молодаго человѣка: эта ли могила такого-то? Сказавъ ему твое имя и отечество, онъ съ насмѣшкою сказалъ: эта, эта, увѣряю. И я, на ней сидя нѣсколько часовъ, оросила хладную могилу горестными слезами. И прошла мимо меня какая-то старуха, и точно какъ колдунья сказала мнѣ: Его тутъ нѣтъ, не плачь напрасно. И наконецъ ея правда, ты живъ! ты живъ! и въ моихъ объятіяхъ.—Я долго былъ безмолвенъ и думалъ, не давишной ли это шопотъ листьевъ, не древесная ли тѣнь?

Наконецъ увидѣлъ, что это единственный другъ, безъ лести, и палъ въ восторгѣ въ объятія моего блаженства. Потомъ сказалъ: вотъ другъ мой, быть можетъ, что въ этомъ храмѣ, вмѣсто плачевнаго отпѣванія совершится радостный союзъ; это кладбище будетъ намъ уединеннымъ гуляньемъ.

А эту старуху сыщемъ, и она насъ

въ часъ досуга будетъ утѣшать разказами старинныхъ преданій, и мы съ тобою, живши въ сельскомъ уединеніи, посѣемъ сѣмена, отъ которыхъ можетъ возрастутъ со временемъ плоды.

П. Р.

Къ другу.

Любовь теперь при насъ
Могилѣ будетъ время,
Насталъ веселья часъ,
Испоргло сердце бремя.
Со мной ты будешь здѣсь
Плодами наслаждаться,
Ужь зерны у насъ есть,
Такъ станемъ приниматься
Мы сѣять семена,
По сѣверу родному,
И къ году ужь другому —
Плодъ будетъ, какъ весна.
А естьли будетъ кто
На насъ съ тобой дивиться,
Напомнимъ мы про то,
Что плодъ для всѣхъ родится.
И такъ, любезный другъ,
Не надо унывать.
Теперь намъ не досугъ
Пора ужь засѣвать.

П. Р.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Анютѣ.	86
Беззаботность.	91
Воспоминаніе о любезной.	53
Вѣтеръ.	17
Голубокъ (Романсъ).	41
Грусть поселянки.	49
Дѣвицамъ.	85
Закатъ солнца.	99
Затѣйливой котъ и ястребъ (басня). .	20
Исполненіе желаній.	92
Къ другу.	110
Къ красавицамъ.	23
Къ Лизетѣ.	24
Къ Москвѣ.	13
Къ Надеждѣ.	87, 88

Стран.

Къ Сѣменамъ. 11
Масляница. 42
Монахъ (фантазія). 93
Москва. 14
Ненарушимая клятва. 34
Непостоянность. 77
Несчастливецъ. 25
Неудача. 16
Ожиданіе восторга. 80
Плачъ на могилѣ или Русская колдунья (Повѣсть). 101
Прогулка. 67
Прощаніе съ любезной. 36
Прощаніе съ отчизной. 95
Роброй (Баллада). 61
Романсы. 54, 57, 89
Рускія пѣсни. 59, 97
Скучно жить безъ денегъ. 18
Смерть отъ любви. 65
Твердость. 31
Тоска о прошедшей веснѣ. 38
Тріолеты. 84

Стран.

Упрекъ. 47

Хоръ Русалокъ. 82

Черкесъ. 46

Экспромтъ. 33

Элегіи. 28, 51

Эпиграмма. 76, 79

Эпитафія. 60

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS

00025292698